
Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна*

© 2020 г. М.М. Федорова

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Москва, 119049, Мароновский пер., д. 26.

E-mail: mf57@yandex.ru

Поступила 16.01.2020

В статье рассматриваются причины политического и эпистемологического интереса к проблемам истории и памяти, наблюдающегося как в западных странах, так и в России. В качестве таковых причин автор называет, с одной стороны, гетерогенизацию современных обществ как оборотную сторону глобализационных процессов и, с другой, кризис исторического сознания модерна, выражающийся в утрате доверия прогрессизму как одной из важнейших черт исторического сознания модерна; кроме того, в статье отмечается существенная трансформация проективного характера социально-политического и исторического мировоззрения человека XIX в. Автор проводит мысль о том, что центром идеологических контrovers в современном мире оказывается уже не будущее, мыслившееся ранее как вполне подвластное человеческому действию, но прошлое, которое сегодня мыслится как незавершенная, открытая для различных интерпретаций система, способная менять свой смысл. Таким образом, именно прошлое оказывается тем моментом, с которым связываются идентификационные требования социальной группы или сообщества, и вследствие этого именно прошлое оказывается объектом разного рода идеологических и политических манипуляций. Эти обстоятельства обуславливают непростое взаимодействие между тремя модусами нашего отношения к прошлому – историей, памятью и забвением, анализ которых требует серьезных критических усилий со стороны философии.

Ключевые слова: память, история, историческое сознание, идеология.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–38–42

Цитирование: Федорова М.М. Мемориальный феномен и кризис исторического сознания модерна // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 38–42.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00371).

Memorial Phenomenon and Crisis of Historical Consciousness of Modernity*

© 2020 Maryia M. Fedorova

State Academic University for the Humanities,
26, Maronovsky by-str., Moscow, 119049, Russian Federation.

E-mail: mf57@yandex.ru

Received 16.01.2020

The article is devoted to the reasons for political and epistemological interest in the problems of history and memory observed both in Western countries and in Russia. As such, the author calls, on the one hand, the heterogenization of modern societies as the reverse side of globalization processes and, on the other – the crisis of historical consciousness of Modernity, expressed in the loss of confidence in progressivism as one of the most important features of the historical consciousness of Modernity; in addition, the article notes a significant transformation of the projective nature of human's socio-political and historical worldview in the 19th century. The author holds the idea that the center of ideological controversies in the modern world is no longer the future, which was previously thought as completely subject to human action, but the past, which today is thought as incomplete, open to various interpretations, a system that can change its meaning. Thus, it is the past that turns out to be the moment with which the identification requirements of a social group or community are associated, and as a result, the past is the object of all sorts of ideological and political manipulations. These circumstances determine quite difficult relations between the three modes of our attitude to the past – history, memory and oblivion, the analysis of which requires serious critical efforts on the part of philosophy.

Keywords: memory, history, historical consciousness, ideology.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–6–38–42

Citation: Fedorova, Maryia M. (2020) 'Memorial Phenomenon and Crisis of Historical Consciousness of Modernity', *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 38–42.

В данной статье мне хотелось бы высказать несколько замечаний о связи между эпистемологией и политическими исследованиями. Я много лет анализировала консервативную идеологию, изучала проблемы, связанные с формированием и передачей традиции. И в ходе этой работы передо мной встал вопрос о причинах отчетливо фиксируемого с 80–90-х гг. XX в. резкого повышения интереса – как чисто исследовательского, так и собственно политического – к проблемам истории. Моя гипотеза заключается в том, что мемориальный всплеск в значительной степени обусловлен кризисом исторического сознания модерна, рефлексией над этим кризисом и возникающим новым ощущением исторического времени; появлением того, что философы называют новым режимом историчности. Кризис исторического сознания модерна проявляется главным образом в кризисе двух идей, характерных для восприятия истории и человека в истории XIX столетия. Речь идет об идее прогресса и о проективности исторического и политического мышления модерна. Эти черты наилучшим образом выражают исторический оптимизм социально-политического мышления Нового времени. Развитие

* The research was carried out at the expense of Russian Science Foundation (project No. 19–18–00371).

общества по восходящей линии обусловлено эволюцией человеческого разума во всех областях, и человек способен постичь закономерности этого развития, что позволяет ему эффективно действовать в настоящем и выстраивать обоснованные планы (по-разному формулируемые в различных идеологически окрашенных конструкциях) на обустройство будущего общественно-политического порядка. В XX в., особенно в период, последовавший за Второй мировой войной, обе эти черты исторического сознания входят в полосу глубокого кризиса. Бурные и трагические события XX столетия – кровавые мировые войны, формирование и распад тоталитарных режимов и осознание человечеством их абсолютно антигуманной сущности – порождают скептическое отношение к прогрессизму. С другой стороны, из социально-политического мышления практически исчезает его проективное измерение, столь характерное для классических идеологий. Сегодня слово «проект» – одно из самых употребляемых как в обыденном языке, так и в научном дискурсе, но при этом парадоксальным образом не существует сколько-нибудь значимых социально-политических проектов, касающихся глобального будущего. В каком обществе мы будем жить через несколько десятилетий? Каковы векторы грядущих изменений? Какой тип общественного развития они сформируют? Какова роль человеческого фактора в этих трансформациях? Все эти вопросы в лучшем случае формулируются, но ни одна из современных идеологий не дает на них связного ответа, подобного тому, который мы имели в XIX в.

Иными словами, из исторического сознания исчезает идея будущего, которое казалось совершенно пластичным для человека эпохи модерна, ибо его можно было предвидеть на основе научных разработок, смоделировать и активно трудиться над его реальным воплощением. Это и было основой различных политических стратегий, формулируемых представителями тех или иных идеологических образований, которых, при всех различиях, объединяло одно: будущее – это обязательно лучшее будущее. Идея лучшего будущего как стойкого улучшения условий человеческого существования была и основой социально-политической консолидации общества.

Суть современного идеологического процесса, на мой взгляд, заключается в том, что в поисках консолидирующих и цементирующих моментов общественного развития того или иного политического организма мы обращаемся не столько к идее будущего, сколько к идее прошлого, в котором ищем и общественные идеалы, и образцы смыслообразующей традиции, и героические примеры акторов, действующих в пространстве политического [Торгеу 2001 web]. И это открывает путь к тому, о чем говорил В.А. Лекторский [Лекторский 2020], – к манипулированию с исторической коллективной памятью, с нашей историей как таковой.

Нельзя сказать, что манипулирование историей – явление абсолютно новое и беспрецедентное. Мы знаем, что в Новое время крупные социально-политические трансформации влекли за собой не только переписывание учебников по истории, но и другие примеры манипулирования исторической памятью – смена календарей, трансформация национальных праздников и пр. Однако же вопреки популярному просвещенческому принципу *tabula rasa*, принципу очищения социально-политического пространства от предрассудков прошлого, идея истории и исторического прошлого постоянно вторгалась в политический процесс в той или иной форме. В наше время эти процессы приняли поистине глобальный характер и в разных формах протекают как в западных странах, так и у нас.

Разумеется, было бы упрощением усматривать причины мемориальных революций исключительно в метаморфозах исторического сознания. К числу факторов, влияющих на изменение нашего отношения к прошлому, можно было бы отнести гетерогенизацию современных обществ. Будучи своеобразной оборотной стороной глобализационных процессов и реакцией на требования универсализации (экономических и политических моделей, стиля жизни, потребностей, вкусов, привычек...) приверженность локальному на идеологическом уровне выражается в таких понятиях, как «страна», «территория», «этнос» и т. д. Выдвигаются требования укрепления связей, причем связей не абстрактных, теоретически прописанных и обоснованных, не связей, формируемых исходя

из некоего удаленного идеала, но связей органических, основанных на разделении общих укорененных ценностей (язык, общие привычки и традиции, особенности быта и проч.).

Таким образом, уже не будущее, но прошлое становится тем самым полем, к которому приложимы наши усилия по перекраиванию социального. Именно поэтому вопросы памяти – исторической, социальной, культурной и т. п. – становятся главным предметом рефлексии и обсуждения. Здесь как раз и возникает целый комплекс вопросов уже эпистемологического характера, связанных с тем, как и в какой мере возможно объективное познание прошлого. Поскольку, как уже упоминалось выше, речь идет об общественно-политической консолидации общества (общественной группы) на основе «живых» связей, определяемых в первую очередь такими факторами, как культура и религия, то и инструментом по их выявлению выступает не столько рациональное познание (историческая наука), сколько память, получающая явный перевес в их давнем противоборстве. Традиция выявления двух различных «инстанций», связанных с нашим отношением к прошлому – истории и памяти – давняя (см. подробнее: [Федорова 2018]), но в последние десятилетия их дилемма заострилась до предела.

В этом контексте можно выделить и целый ряд вопросов морально-политического характера, артикулированных вокруг такого понятия, как долг памяти. Разумеется, кристаллизация этого понятия имела колоссальное значение: она позволила социальным группам, чья история долгое время не принималась в расчет историками и социологами, заставить услышать свой голос, заявить о себе как о социальных и политических акторах. Кроме того, она стала мощным механизмом социально-политической консолидации, в частности, для российского общества, чья социальная память исполнена мучительных разрывов; для общества, в котором не существует единой исторической традиции, способной стать стержнем объединения людей, являющихся приверженцами самых разнообразных ценностных систем (связанных с советским прошлым, или с дореволюционной Россией, или с формирующимися ценностями постсоветской эпохи).

Однако же при всех положительных моментах концептуализации долга памяти уже в 90-е гг. прошлого века часть историков выступила с критикой понятия, равно как и бесконечных мероприятий по чествованию жертв и героев прошлого. По мнению этих историков, долг памяти превратился в своеобразное идеологическое оружие, широкое распространение которого может привести к попыткам бесконечного переписывания истории. В повседневной практике мы также можем наблюдать оборотную сторону мемориальной революции, оборачивающейся подчас «войнам памяти», начиная от «войны памятников» и заканчивая серьезными этнополитическими конфликтами. Эти критические идеи нашли выражение в небольшой по объему, но достаточно емкой по содержанию книге известного французского философа Цветана Тодорова «Злоупотребления памятью», основной вывод которой гласит: «сакрализация памяти – это иной способ сделать ее бесплодной» [Todorov 1995, 33]. По мнению Тодорова, к злоупотреблениям приводит использование понятия «долг памяти» именно как абстракции. Разумеется, память – необходимый компонент общественного сознания. Но она требует конкретизации: вспоминать ради чего? Вспоминать с какой целью? Каковы мотивы тех, кто борется за сохранение тех или иных моментов истории? А может быть, долг памяти – это категория не столько моральная, сколько политическая, прочно укорененная в политической философии и соотносимая, скорее, с нравственным измерением нашей жизни в том смысле, в каком о нравственности говорил Гегель?

И, наконец, еще один модус нашего отношения к прошлому: модус забвения. Сама память, говорит Поль Рикер, определяется как борьба против забвения. К этому призывает и долг памяти. Он вспоминает притчу Хосе Луиса Борхеса о человеке, который ничего не забывал, и называет такого рода память патологической и чудовищной. Рикер ставит вопрос о забвении и прощении, о «счастливом забвении», об источнике мира в забвении, настаивая на том, что забвение, как и память, продолжает свое существование в общественных институтах, структурах и политических решениях [Рикер 2004, 574].

Таким образом, даже беглый обзор проблем, связанных с ролью памяти в современном мире, показывает тесную взаимосвязь стоящих перед обществом проблем общественно-политического характера с проблемами эпистемологического порядка. Сегодня в мемориальной сфере нет четких общепринятых понятий и категорий, одни и те же понятия используются в различных, порой противоположных смыслах, что приводит не только к изобретению новых категорий (например, история историков или историческая память), но и не сводимых друг к другу практик в отношении схожих предметов и явлений. Историк активно вмешивается в общественную жизнь, берет на себя новую ответственность – он борется против преступлений, против забвения антигуманных актов, участвует в процессе коллективного примирения, устанавливая тем самым новые, не известные ранее отношения между историей и памятью, историей и забвением. Все это требует очень серьезной критической работы, и роль философии здесь, как никогда, велика.

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translations

Рикер 2004 – *Рикер П.* Память, история, забвение / Пер. с фр. И.И. Блауберг, И.С. Вдовиной, О.И. Мачульской, Г.М. Тавризян. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004 [Ricœur, Paul La Mémoire, l’Histoire, l’Oubli (Russian translation)].

Ссылки – References in Russian

Лекторский 2020 – *Лекторский В.А.* Индивидуальная и коллективная память: старые проблемы и новые вызовы // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 11–17.

Федорова 2018 – *Федорова М.М.* История/память: «трудная дилемма // История философии. 2018. № 1. С. 108–121.

References

Fedorova, Maryia M. (2018) ‘History/Memory: Difficult Dilemma’, *Istoria filosofii*, 1, pp. 108–121 (in Russian).

Lektorsky, Vladislav A. (2020) ‘Individual And Collective Memory: Old Problems And New Challenges’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 6 (2020), pp. 11–17 (in Russian).

Todorov, Tzvetan (1995) *Les abus de la mémoire*. Ariéa, Paris.

Torpey, John (2001) web ‘The Pursuit of the Past. A Political Perspective. Centre for the Study of Historical Consciousness’, University of British Columbia, Vancouver // <https://homepage.univie.ac.at/berthold.unfried/Torpey.pdf>

Сведения об авторе

ФЕДОРОВА Мария Михайловна – доктор политических наук, декан факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук.

Author’s Information

FEDOROVA Maryia M. – DSc in Political Sciences, dean of the Faculty of Political Science at the State Academic University for the Humanities.